

Коловрат осознал это много позже, но подавленность воли при виде обнажённой ведьмы была мучительно схожа с тем, что он испытал в Библиотеке.

Неизвестно, сколько бы простояли прикованными к земле зачарованный Коловрат и другие несчастные рядом с ним, если бы сама ведьма, с хохотом сорвавшимся на дикий визг, не исчезла в своем же пыльном облаке, плотно сомкнувшимся вокруг нее.

Среди жертв странного колдовства по большей части числились жрецы Настиян, оказавшиеся неожиданно крепкими. После исчезновения ведьмы лишь некоторые из них болезненно взялись за головы, и фигуры в фиолетовых плащах стали расходиться. Уроженцы же Гелиограда оказались совсем другого толка — несчастные скоморохи попадали на месте без чувств. Пара уцелевших гелиоградцев, не глядевших в сторону ведьм, успели подхватить Коловрата, но, быстро уложив его на землю, тут же убежали.

Члены делегации, побоявшиеся подходить к своим землякам, были награждены презрительным взглядом Морены, которая, не думая о могущих остаться на них чарах, приблизилась к пострадавшим. Удостоверившись, что те всего лишь находятся в обмороке, Морена велела доставить всех к лекарю. Началась суета, Морена кое-как остановила всё ещё трусящих паяцев, собиравшихся, по их словам, сбегать за волокушами.

— Даже не думать! — резко оборвала она. — Раненых нет, дотащите так, вы бы лучше времени не теряли. Ну, вот! Бодрее, бодрее.

— А ну руки убрал! — вдруг заговорил пришедший в себя Коловрат, которого один из акробатов взвалил уже себе на плечо.

Пошатываясь, Коловрат сам встал на землю, еще не разумея, как он сюда попал, и что произошло. Он хмуро огляделся, морщась от противной головной боли. Среди снующих паяцев с бессознательными ношами, Коловрат заметил одну помощницу Морены, растерянную и ничем не занятую.

— Скажи-ка, — Коловрат взял ее за локоть и, заставляя глянуть на себя, спросил. — Где Агний?

— Ан помазанник ушли еще прежде, чем появилась... — девица запнулась, не зная, как ей величать ведьму. — Прежде, чем появились чары.

— Хорошо. — Кивнул он. Ну конечно, Гиня заранее все предчувствовал, а у него, Коловрата ничего-то не екнуло, пошел спокойно как баран на заклание. — Кто-то пострадал?

— Не могу знать точно, ан Коловрат. Несколько человек упали без чувств, но явных ран я не видела.

— Ясно. Ступай.

Коловрат отпустил помощницу, а сам направился к палате приёма чужеземцев. Лучшая защита была нападение, и, чтобы делегацию не обвинили во всевозможных нарушениях приличий и сомнительной ворожбе, Коловрат собирался первым разузнать, отчего это на их фестивале появилась страстная незнакомка, помешавшая провести добрую половину увеселений.

Дойти до палаты можно было в пару минут, но и за это время Коловрат успел расслышать из тревожного ропота местных, шедших впереди него, про чьё-то возвращение.

В палату приёма чужеземцев его, вопреки предписаниям, впустили сразу же, не удостоверившись в подлинности гостя.

Судя по хмурому лицу спокойного обычно Свинца, тому уже успели доложить о произошедшем.

— Ан Коловрат, Вы в порядке? — вставал Свинец, оглядывая его слегка озадаченно.

— Как видите, дошел сам. — Холодно ответил Коловрат. «Вот ведь черт, — думал он, — не ожидал, что так быстро оклемаюсь!» — Но мои подопечные такой возможности лишены. Я бы хотел получить разъяснения. Наша делегация оказалась под угрозой, которую мы не могли ожидать.

— Разумеется. Прошу, присядьте.

Коловрат удивился такой учтивости в ответ на свой дерзкий тон и молча сел.

— Прежде всего, хочу принести извинения от лица церкви Натсиян. — Начал Свинец, в чьем голосе, как ни странно, звучало искреннее беспокойство. — То, что расстроило ваш фестиваль является злым духом. Имя этого духа — Мухоморыч.

Коловрат подавил желание нахмуриться — если бы не строгая обстановка палаты и проникновенный баритон Свинца, он бы решил, что это неумелая попытка оправдаться или, того хуже, глумление над его вопросом.

— Как это возможно? Разве Градомудрище, кладезь светлых умов, не в состоянии справиться с каким-то духом, насылающим видения?

— Я понимаю Ваше недоумение и все же прошу дослушать меня. — С лёгким укором сказал Свинец. Коловрат смущённо умолк. В самом деле, что это с ним? Откуда так много наглости в обращении со столь высокопоставленной особой, как Свинец? Для дипломата подобное поведение все равно, что самоубийство, поэтому Коловрат предпочел списать его на все ещё не выветрившиеся чары Мухоморыча. Он смиренно опустил голову в жесте извинения. — Многие вещи, касающиеся взаимоотношений города и богини, мы держим в тайне или стараемся не распространяться без надобности. Однако, ввиду сложившейся ситуации, я должен дать Вам особое разъяснение. Могу ли я рассчитывать, что мои сведения не распространятся дальше Вашего начальства?

— Моё слово, ан Свинец.

И глава палаты приёма чужеземцев поведал Коловрату историю трехсотлетней давности, с уймой имён и подробностей, из которых ещё не окрепший в полной мере ум молодого дипломата кое-как запомнил основное. В стародавние времена, когда вода не умела сама течь по трубам, а свет ещё не был пойман в специальные мешки, чтобы служить человеку, — проще говоря, когда Градомудрище жило, как остальные города живут сейчас — лукавые подданные Натсиян разгневали свою богиню, направо и налево нарушая её запреты. Тогда мудрейшая наслала на них пару духов, наделив их правами большими, чем граждан Градомудрища. Мухоморыч и Солелеший стали полноценными хозяевами города и его лесных окрестностей соответственно. Настиян ввела строжайший запрет на оказание сопротивления своим надзирателям, вплоть до смертного мщения.

Первый приход Мухоморыча и Солелешего, насылавших кошмарные видения, унесли жизни четверти жрецов и каждого десятого простого гражданина, после чего обитатели Градомудрища задумались и присмирели.

— Чужаки, уж простите мне это выражение, ан Коловрат, почти никогда не сталкиваются с Мухоморычем, тем более так массово. В наше время эти духи являются, чтобы карать отдельных лиц за тяжкие проступки, так что сегодняшнее происшествие мне неясно.

Коловрат едва заметно усмехнулся — уж не цензор ли Глина навлек на себя гнев стражи Настияан? Но через мгновение ему стало не до смеха — он сообразил, что как раз после их с Глиной омерзительной сделки, он повстречал в Большой Библиотеке призрака... или что-то иное? А теперь ещё и нагая ведьма.

Высказать свои опасения Коловрат не мог: сколько бы доверия не внушал ему такой понимающий на фоне своих коллег Свинец, рассказать ему о подкупах и нарушении закона было невозможно.

— К тому же сегодняшнее видение едва ли можно было назвать смертоносным кошмаром. Либо Мухоморыч нас о чем-то предупреждает, либо свирепая сила решила присоединиться к празднику. — Печально хохотнул Свинец.

•

Двадцать четыре дня до летнего солнцестояния

В вопросе касательно Трезоры Коловрат продолжал действовать решительно и неумолимо. Он поставил в известность Достану, что вместе с отъездом делегации заберёт с собой и невесту. Такая поспешность сильно выбивалась из традиций Градомудрища, зато была вполне в духе суетного Гелиограда, так что Достане оставалось только подчиниться.

В день отъезда Коловрат решил посетить Влепов дважды: утром, а затем аккурат перед отъездом, чтобы уйти уже с Трезорой.

Утром та выглядела уж не такой смущенной, как при первых разговорах о браке. Трезора втихую от матери огрызалась на Коловрата и одаривала его нервным недоверчивым взглядом, когда он пытался оказать ей знаки внимания, принятые меж женихами и невестами.

Коловрат никак не мог понять, чем же он не мил юной провидице. Впрочем, это не было большой проблемой — коли девчонка по доброй воле не полюбит его, придется ее приворожить.

Подходя к дому Влепов во второй и последний раз, Коловрат ещё издали понял, что что-то не так. Достана стояла на пороге и яростно допрашивала какого-то мужика, извозчика, судя по одежде.

— Видел?! Видел, гад! Так кто же тебе, глупая рожа, дал право просто глазеть, но ничего не делать?

— Гина Достана, — произнес Коловрат, подойдя к ним ближе, — что-то произошло?

Достана замерла, испуганно глядя на него. Тем временем на пороге появился Яромир. Его лицо было необыкновенно угрюмо и сурово. Без лишних предисловий он сказал:

— Трезора сбежала.